

ДОБРЫЕ
СКАЗКИ

РИСУНКИ
И. ЦЫГАНКОВА

И. С. Тургенев

ВОРОБЕЙ

Я возвращался с охоты и шёл по аллее сада. Собака бежала впереди меня.

Вдруг она уменьшила свои шаги и начала красться, как бы зачужав перед собою дичь.

Я глянул вдоль аллеи и увидел молодого воробья с желтизной около клюва и пухом на голове. Он упал из гнезда (ветер сильно качал берёзы аллеи) и сидел неподвижно, беспомощно растопырив едва прораставшие крылышки.

Моя собака медленно приближалась к нему, как вдруг, сорвавшись с близкого дерева, старый чер-

ногрудый воробей камнем упал перед самой её мордой — и весь взъерошенный, искажённый, с отчаянным и жалким писком, прыгнул раза два в направлении зубастой раскрытой пасти.

Он ринулся спасать, он заслонил собою своё детище... но всё его маленькое тело трепетало от ужаса, голосок одичал и охрип, он замирал, он жертвовал собою!

Каким громадным чудовищем должна была ему казаться собака! И всё-таки он не мог усидеть на своей высокой, безопасной ветке... Сила, сильнее его воли, сбросила его оттуда.

Мой Трезор остановился, попятился... Видно, и он признал эту силу.

Я поспешил отозвать смущённого пса и удалился, благоговая.

Да; не смейтесь. Я благоговел перед той маленькой, героической птицей, перед любовным её порывом.

Любовь, думал я, сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь.

К. Д. Ушинский

УЧЁНЫЙ МЕДВЕДЬ

— Дети! Дети! — кричала няня. — Идите медведя смотреть.

Выбежали дети на крыльцо, а там уже много народу собралось. Нижегородский мужик, с большим колом в руках, держит на цепи медведя, а мальчик приготовился в барабан бить.

— А ну-ка, Миша, — говорит нижегородец, дёргая медведя цепью, — встань, подымись, с боку на бок перевались, честным господам поклонись и молодкам покажись.

Заревел медведь, нехотя поднялся на задние лапы, с ноги на ногу переваливается, направо, налево раскланивается.

— А ну-ка, Мишенька, — продолжает нижегородец, — покажи, как малые ребяташки горох воруют: где сухо — на брюхе; а мокренько — на коленочках.

И пополз Мишка: на брюхо припадает, лапой за-
гребаёт, будто горох дёргает.

— А ну-ка, Мишенька, покажи, как бабы на ра-
боту идут.

Идёт медведь, нейдёт; назад оглядывается, ла-
пой за ухом скребёт.

Несколько раз медведь показывал досаду, ре-
вел, не хотел вставать; но железное кольцо цепи,
продетое в губу, и кол в руках хозяина заставляли
бедного зверя повиноваться. Когда медведь пере-
делал все свои штуки, нижегородец сказал:

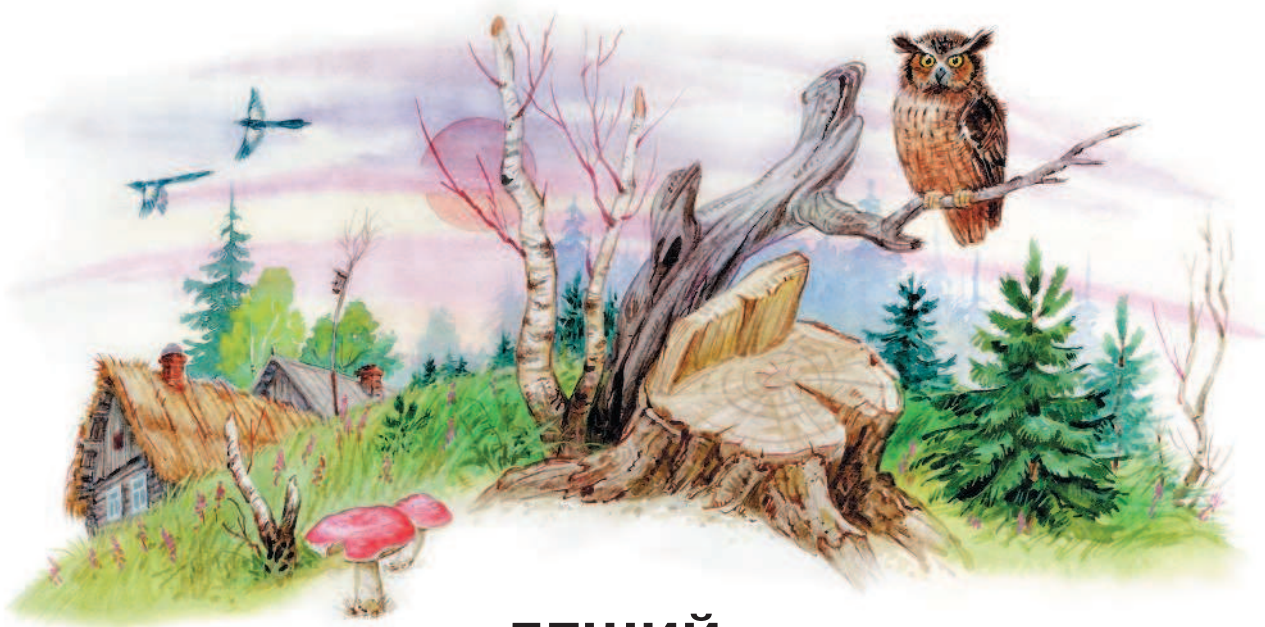
— А ну-ка, Миша, теперича с ноги на ногу пе-
ревались, честным господам поклонись, да не ле-

нись, да пониже поклонись! Потешь господ и за шапку берись: хлеб положат, так съешь, а деньги, так ко мне вернись.

И пошёл медведь, с шапкой в передних лапах, обходить зрителей. Дети положили гривенник; но им было жаль бедного Миши: из губы, продетой кольцом, сочилась кровь.

ЛЕШИЙ

Жители одной уединённой деревни были в большом беспокойстве, особенно бабы и ребятишки. В ближнем любимом их лесу, куда мальчишки и девочки поминутно шныряли то за ягодами, то за грибами, завёлся леший. Как только настаёт ночь, так и пойдёт по лесу хохот, свист, мяуканье, а по временам раздаются страшные крики, точно кого-нибудь душат. Как зааукает да захохочет, волосы становятся дыбом. Дети не только ночью, но и днём боялись ходить в свой любимый лес, где прежде только и слышно было что пенье соловьев да протяжные крики иволги. В то же время чаще прежнего стали пропадать по деревне молодые куры, утки и гусята.

Надоело это наконец одному молодому крестьянину Егору.